

В.В. Напольских

Россия, Екатеринбург – Москва

Институт истории и археологии УрО РАН; РАНХИГС

Праенисейский «мамонт» и окуневская иконография

Для енисейского праязыка реконструируется слово **čer* (по С.А. Старостину) / **t'èkâr* (по Г. Вернеру), обозначавшее мифическое существо, гигантскую рогатую рыбу, которое кеты по-русски называют мамонтом и связывают с реальными останками мамонтов, находимыми в размывах речных берегов (кет. *тэль* ‘мамонт-рыба’ ~ пумп. **k^her* > алт., хак. *кер(-балык)* ‘чудовище, гигантская рыба в эпических сказаниях и шаманской мифологии’) [Напольских, 2022]. ПЕН **čer* ‘мамонт-рыба’ имеет древние истоки в сино-кавказском корне **çHirV[ʁ]V* ‘улитка, гусеница, ящерица; линия’. Развитие значения ‘мамонт-рыба’ произошло, видимо, после проникновения предков енисейцев в Сибирь, на базе более старых представлений о превращении рыбы или змеи в дракона, известных носителям других сино-кавказских языков и их соседям (бурушаски, народы Гиндукуша, китайцы и т.д.). По-видимому, именно в енисейской среде происходило формирование образа мамонта-рыбы, широко затем распространившегося в Сибири; в частности, из какого-то енисейского языка заимствовано эвенкийское название мамонта *сэли* [Напольских, 2023].

То обстоятельство, что сложение специфического мифологического образа очевидно происходило в среде носителей именно енисейских языков дает возможность поиска иконографических параллелей в памятниках древних культур и – в случае обнаружения таковых – постановки вопроса о принадлежности языка создателей этих культур к енисейской семье или к близкой к ней другой сино-кавказской группе. Проблема в том, что изображения мамонта-рыбы у кетов неизвестны. Естественно, это не означает, что у других енисейцев или у кетов в древности таких изображений не было: следует иметь в виду, что кетская (и югская) культура, очевидно, пережила известную трансформацию при продвижении ее носителей на север к Полярному кругу. В кетских сказках *тэль* описывается как гигантская рыба с рогами, которые могут быть ею потеряны [Мифы кетов. С. 216–220]. С другой стороны, образ мамонта-рыбы, заимствованный на юге у енисейцев эвенками (*сэли*) и алтае-саянскими тюрками Сибири (*кер-балык*) хорошо представлен в системе их шаманских представлений (что естественно, поскольку шаманизм представляет собой охотно адаптирующее заимствования явление). Благодаря этому имеются и изображения, которые, вероятно, так или иначе отражают представления об облике этого существа, характерные и для енисейских народов, см. [Иванов, 1949. С. 141, табл. 1; Дыренкова, 1949. С. 111, рис. 9]. Имея в виду доенисейские истоки образа, можно предполагать, что более древние варианты таких изображений могли быть связаны с указанным выше мотивом превращения рыбы / змеи в мифическое существо.

Полагаю, что искомые параллели можно найти среди изображений на древних каменных изваяниях окуневской культуры XXVI–XVIII вв. до н.э. (обнаружение предметов мелкой пластики в мог. Итколь II [Поляков, 2022. С. 119–123] делает привязку каменных изваяний Минусинских котловин именно к окуневцам несомненной). Так, на изваянии с правого берега р. Бирь (“личина барана и две личины человека” [Вадецкая, 1980. С. 142, табл. LI/ III]), изображено рыбоподобное существо над фантастической личиной (аттестация подобных личин как человеческих, принятое ad hoc в археологической литературе не может быть принята хотя бы потому, что среди окуневских изображений имеются вполне антропоморфные личины, радикально отличающиеся от указанной и ей подобных). Еще одна “личина на небольшом камне” (случайная находка у оз. Ширы) [Вадецкая, 1980. С. 142, табл. LV/ 143] представляет собой фигуру рыбы с той же фантастической личиной, перемещенной на ее спину. Возможно, дальнейшим развитием этого образа является целый ряд окуневских изображений, личин с длинной волнистой линией, поднимающейся вверх, которую рассматривают как некий «головной убор» (замечу, что никаких следов подобных головных уборов в окуневских захоронениях не

зафиксировано) – см., например стелу «кеме-тас» с левого берега р. Белый Июс [Вадецкая 1980. С. 142, табл. LI/ 110]. Очевиден неантропоморфный характер личины (третий глаз, трактовка нижней части лица) и сходство «головного убора» (треугольники, волнистые ответвления) с рыбой на изваянии с р. Бирь.

Сходство изображений мамонта-рыбы у сибирских народов и образов окуневской иконографии представляется мне достаточно показательным. Конечно, предлагаемые здесь трактовки, как и любые интерпретации такого рода, остаются достаточно гипотетическими, но, во всяком случае, они выглядят предпочтительнее выдвигавшихся прежде туманных предположений об изображениях «шаманов» или «вождей» в фантастических «головных уборах». Вторая проблема – источниковедческая: поскольку у нас практически нет сколь-нибудь сопоставимых с окуневскими памятников древнего искусства, нельзя быть уверенными, что наши привязки относятся исключительно к окуневскому населению.

Из изложенного следует: есть серьезные основания предполагать, что создатели окуневской культуры (точнее, одна из групп, внесших вклад в формирование феномена окуневского искусства, см. [Поляков, 2022. С. 119–127]) имели отношение к носителям енисейского праязыка на ранней стадии его существования (отделение праенисейского от бурушаски по глоттохронологии – VII тыс. до н.э., а распад праенисейского – 2-я четверть I тыс. до н.э. [Касьян, Старостин, 2017]). Нельзя не заметить, что обнаруживаются и другие параллели кетской и окуневской иконографии: например, антропоморфные изображения с лучами на голове на кетских шаманских бубнах [Дувакин, 2019. С. 157–159] имеют абсолютные аналоги среди окуневских личин [см. Вадецкая, 1980. С. 123, 126, табл. XXXII, XXXV], а также в искусстве самусьской и каракольской культур [Поляков, 2022. С. 130]. Естественно, нельзя не вспомнить в связи с этим и о сближении окуневцев по данным краниологии и генетики с североамериканскими индейцами (в связи с родством енисейских и на-дене языков в рамках сино-кавказской макросемьи) [Козинцев, 2020] – независимо от дискуссии по этому поводу [Поляков, 2022. С. 132–135].

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Ленинград, 1980.

Дувакин Е.Н. Кетские шаманские бубны из собраний Кунсткамеры и Этнографического музея Казанского университета // Сибирские исторические исследования. № 1. Томск, 2019. С. 144–173.

Дыренкова Н.П. Материалы по шаманству у телеутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 10 / отв. ред. С.П. Толстов. М.; Ленинград, 1949. С. 108–190.

Иванов С.В. Мамонт в искусстве народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 11 / отв. ред. С.П. Толстов. М.; Ленинград, 1949. С. 133–154.

Касьян А.С., Старостин Г.С. Автоматическое сравнение енисейско-буришской базисной лексики и вероятностная оценка схождений // XII традиционные чтения памяти С.А. Старостина. М., 2017. URL: <https://starlingdb.org/confer/Kassian-2017.pdf> (дата обращения: 24.02.2024)

Козинцев А.Г. Происхождение окуневского населения Южной Сибири по данным физической антропологии и генетики // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 48, № 4. Новосибирск, 2020. С. 135–145.

Мифы кетов – Мифы, предания, сказки кетов / Сост., предисл. и примеч. Е.А. Алексеенко. М., 2001.

Напольских В.В. Хакасско-алтайский мифоним *ker* и праенисейское название мамонта. I // Вопросы ономастики. Т. 19, №3. Екатеринбург, 2022. С. 65–82.

Напольских В.В. Хакасско-алтайский мифоним *ker* и праенисейское название мамонта. II // Вопросы ономастики. Т. 20, № 1. Екатеринбург, 2023. С. 29–42.

Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб., 2022.